

СИЛА ПРАВДИВОГО ОБРАЗА

сти высокие гуманистические принципы. Поединок, в котором наш противник применяет нечестные приемы, апеллирует к

низменным страстям, а мы бьемся в открытую, с поднятым забралом.

Он глубоко прав. И вдвойне прав, если иметь в виду роль театра в жизни сегодняшней Венгрии. Театр стал одной из важнейших духовных потребностей народа. О театре здесь пишут и говорят ежедневно, и имя Кароя Казимира, в частности,—одно из популярнейших имен в стране. Каждая новая работа режиссера неизменно привлекает пристальное внимание театральной критики, вызывает серьезные публицистические раздумья, будоражит и профессионалов, и зрителей.

Так было, например, когда театр «Талия» поставил спектакль «Мария» по мотивам драмы И. Бабеля.

Спектакль имел большой успех. Театральный критик П. Мольнар писал в «Ненсабадшат», что казимировский спектакль «не просто

показал распад аристократической семьи, но создал напряженную атмосферу ожидания светлого революционного идеала». А недавно один из критиков, рецензируя спектакль «Потерянный рай» по Милтону, поставленный Казимиром, отмечал в той же газете, что главная особенность его творчества — постоянное стремление избежать проторенных путей и что в этом — причина всех его успехов и просчетов. Но и просчеты его, самокритично осмысленные, всякий раз становятся началом нового плодотворного поиска.

Карой Казимир много пишет в газетах и журналах о том, что его волнует как режиссера, человека и коммуниста, о подлинной ценности культуры о том, как преодолеть отставание театрального искусства в провинции, с чего лучше начинать свой путь актерской молодежи и о многом другом. Статьи, как и спектакли, будят мысль.

КАРОЙ Казимир опровергает расхожее представление о театральном «метре». Но он явно не похож и на волшебника, который легко извлекает правду из литературно го и социального материала, пораждает его зрителя. Зато прекрасно виден в нем прежний мальчик и з «Чикаго».

Сейчас театр «Талия» ставит в основном пьесы венгерских современных драматургов, большей частью молодых. Но это не значит, что классики забыты. Еще не раз обратится Карой Казимир к их неисчерпаемому гуманизму, столь близкому нам, коммунистам. Он написал книгу о «Грозе» Островского и книгу о спектакле «Тигрида и гиена» по Петефи, который ставил.

На советской сцене он мечтает поставить «Семью Тот» Иштвана Эркеня (в русском переводе этот антифашистский гротеск получил название «Майор и другие»). И еще думает поставить в Хельсинки «Калевалу». В первый раз в жизни он сделал фильм по пьесе Шандора Броди «Учительница».

— Искусство не может быть бесчеловечным и не может создаваться бесчеловечными методами,— говорит он.— Если устарели громкий шепот со сцены и театральные рыдания, то вовсе не устарело и не может устареть сердце актера. Нельзя работать без вживания актера в образ, без понимания им своей задачи. Искусство—это борьба, в которой участвуют люди, а не автоматы. В наших руках колоссальная сила воздействия на человека. Очень важно, чтобы сила эта действовала в правильном направлении.

А. ТЕР-ГРИГОРЯН,
соб. корр. «Известий».

БУДАПЕШТ, сентябрь.

ций и шумных студенческих споров пришло к нему ощущение коммунизма как «реального гуманизма».

— Я не отделяю себя как коммуниста от себя как художника,— говорит Карой Казимир.— Как только начинается такое отделение в сознании человека или в понимании им жизни и искусства, все обесценивается.

Конечно, трудно было ему вместе с другими художниками-коммунистами держать знамя социалистического искусства в час испытания. Но он держал его высоко.

За «Грозой» Островского последовала «Антигона» Софокла. Затем в пятьдесят седьмом в Минсколице — «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского. Потом — знакомство с Г. Товстоноговым и два месяца тесного творческого общения с ним в Ленинграде. И возвраще-

ние к «Антигоне». Потом театр «Вигсинхаз», и современная пьеса Лайонла Мештерхази, пьесы Маяковского, «Аристократы» Погодина и, наконец, Брехт. А затем театр «Талия», художественным руководителем которого Карой Казимир является сегодня.

Огромный диапазон доступных Казимиру средств раскрытия правды жизни, правды истории, проникновения в психологию человека, в его нравственную глубину. Огромный его режиссерский арсенал, широкий репертуар—от Данте до Островского, от Пушкина до Маяковского, от Шекспира до Имре Мадача.

— Знать, уметь и использовать нужно все лучшее, что создано,— рассуждает он вслух,— ведь все, что мы делаем,— это большой спор с буржуазным искусством. Это, если хотите, война, постоянный поединок за человека, за на-

неотступно следовала за ним, когда он жил жизнью бродячего провинциального актера и с бесконечным чувством стыда выступал в сладких водевилях. Она привела Кароя после освобождения в театральный институт. И о режиссере Карое Казимире заговорили как о большом таланте, когда его дипломная работа—«Гроза» Островского была поставлена в Национальном театре с Аги Месарош в роли Катерины.

ОН НЕСКОЛЬКО раз говорил, что годом своего рождения, как человека, считает не двадцать восьмой, а сорок пятый. Получила право гражданства его детская тяга к правде, справедливости, гуманизму. Самой собой, еще до знакомства с умными книгами, еще до длинных лек-

Почти шесть миллионов зрителей посмотрели в минувшем театральном сезоне двенадцать тысяч спектаклей, прошедших на венгерской сцене. Иными словами, театр в стране стал одной из важнейших общественных потребностей, он близок и дорог людям. Но сейчас я хочу рассказать не о театре, а об одном из тех, кому венгерские зрители обязаны многими прекрасными спектаклями.

МАЛЬЧИК был глазастый и жилистый. Один из многих сотен таких же мальчишек на пропахшей конопью и кислой капустой рабочей окраине Вудапешта, которую называли «Чикаго». Впрочем, окраина была не только рабочей. В обшарпанных домах-муравейниках жили еще и мелкие торговцы, и крупные бандиты, ютились люмпены и воры, бродяги и даже низшие полицейские чины.

Уже тогда, в мрачном и тяжком детстве, Карой научился подходить вплотную к пониманию типажа. Уже тогда временами драку или свару во дворе, а позднее и мессу в церкви он видел как некий спектакль.

Возможно, уже тогда глазастый мальчик неосознанно мечтал о собственной роли, в которой мог бросить смелый вызов всем остальным персонажам жестокого спектакля. Мечта о такой роли перешла из детства в юность. Она напоминала о себе со страниц школьных тетрадей, она